

Владимир Я. ГРОСУЛ*

ПРИБЛИЖЕНИЕ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ В ОБЩЕСТВЕННОМ МНЕНИИ РОССИИ КОНЦА XIX В.

ABSTRACT: This paper discusses the relationship of Russian public opinion towards the most important European events from the period after the Paris Peace in 1856. Emphasis is placed on the question of the unification of Italy and Germany and the danger for Russia to be drawn into these events. Subsequent relations with Germany, becoming close with France, the events in the Balkans were worthy of the attention of the Russian public. The paper discusses some aspects of Russian foreign policy related to commercial interests, seen through the eyes of the public, where public opinion was divided in the view of contemporary political visions. Throughout the public opinion was of the inevitability of war.

KEY WORDS: *Russia, World War I, public opinion, press*

Разговоры о новой войне в России начались сразу после заключения Парижского мира 1856 г. Правда, не было ясно кто будет очередным противником и каждый раз назывались разные зарубежные государства. Поначалу основное недовольство выражалось не участниками Крымской войны, а Габсбургской монархией, которую прямо обвиняли в коварстве и неблагодарности¹. Так, в июне 1859 г. начальник Бессарабского жандармского управления, полковник Ермолин сообщал о том, „что в Бессарабской области в настоящее время все заняты политическими событиями в Италии”. Он же писал о сочувствии, которое высказывает местное общество к успехам французских и сардинских войск, и негативном отношении к австрийскому правительству².

* Автор је доктор историјских наука у Институту за руску историју РАН у Санкт Петербургу.

¹ Виноградов В.Н. *Балканская эпопея князя А.М. Горчакова*. М., 2005, с. 30 – 31.

² ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., оп. 32 (1857 г.), д. 321, ч. 3, л. 2 – 3.

Через месяц, из той же Бессарабии доносили о распространившихся там слухах, будто после прекращения военных действий в Италии правительство Придунайских княжеств, а также Черногории и Сербии деятельно занялось усилением своих войск, и это предвещает новую войну на Востоке. Через год, в июне 1860 г. из Бессарабии сообщали о сочувствии ее жителей к положению христиан в Турции, надеявшихся на защиту России и, более того, отмечались слухи о намерении России объявить войну Турции с целью покровительства тамошним христианам³.

Бессарабия не представляла исключения. В июне 1859 г. и в отстоящей от нее на довольно значительном расстоянии Гродненской губернии предметом разговоров в местном обществе также были военные действия в Италии. И там общее сочувствие было на стороне союзников, то есть в пользу итальянского освобождения⁴. В соседней Ковенской губернии местное общество также желало поражения Австрии, но опасалось общей европейской войны⁵. В еще более северной – Олонецкой губернии еще в декабре 1857 г. были отмечены разговоры о возможности новой войны, которая может нагрянуть столь же неожиданно, как и предыдущая, то есть Крымская война. Вместе с тем, как отмечалось в соответствующем донесении, не видно, чтобы правительство предпринимало нужные меры и было готово отразить врага. Таким образом, выражалось недоверие правительству и заявлялось неверие в прочный мир, бросался упрек Франции, Англии и Австрии. Из той же Олонецкой губернии также сообщали о распространении на рынках, в кабаках, в передних и вообще везде слухов о войне, тогда как „Россия усыплена, и притом, вдруг нагрянет весь запад делить Росси”⁶.

В обзоре столичной – Петербургской губернии проблемы внешнеполитического характера было отчетливо поставлены на второе место после крестьянского вопроса. Там прежде всего распространялись слухи о переворотах и движениях на Западе, в связи с чем высказывались опасения по поводу возможной потери польских губерний и по поводу усиливавшегося влияния Наполеона III на политику Европы⁷. Несколько иные слухи носились по торговой Одессе. В марте 1858 г. оттуда сообщалось об опасениях местного купечества, ведшего обширную торговлю с Англией, поскольку оно предполагало разрыв между этим государством и Францией и, естественно, торговых потерь, могущих

³ Там же, л. 5 – 9 об.

⁴ Там же, ч. 8, л. 8.

⁵ Там же, ч. 11, л. 15 – 17.

⁶ Там же, ч. 17, л. 4 – 4 об.

⁷ Там же, ч. 23, л. 12 – 13, 15.

после этого последовать. В феврале 1859 г. из Одессы также поступали сведения о разговорах среди простого народа, в массе которого ходили слухи о новой войне и о скором сборе бессрочно отпусковых⁸.

Разговоры о возможной новой войне были отмечены и в некоторых центральных губерниях. В декабре 1857 г. сообщались слухи из Владимирской губернии, в соответствии с которыми российские войска перемещались к западным границам в связи с якобы ожидавшимся разрывом отношений с Австрией и Англией и, наоборот, союзом с Францией⁹. Через полтора года, в мае 1859 г. среди так называвшегося благородного общества Воронежской губернии самыми главными предметами разговора являлись темы о возможности участия России в западной войне и крестьянский вопрос¹⁰. Эти настроения на местах в целом соответствовали общему положению того времени. Как писал Д.А. Милютин, все государства находились в каком – то тревожном ожидании, и несмотря на существовавшие, по – видимому, дружественные отношения между всеми большими державами, везде велись с напряженною поспешностью военные приготовления так, как будто Европа была накануне большой войны¹¹.

После Крымской войны в России появилась возможность открыто высказываться о внешнеполитических делах¹², в том числе и в периодической печати. Число подобных публикаций, как и тем, по которым общество прямо высказывало свое мнение, заметно возросло. При этом распространенные в обществе взгляды не всегда совпадали с реальной политикой правительства, – различные подходы выявились, например, по событиям в Италии. Правительство и новый министр иностранных дел А.М. Горчаков не поддержали поначалу итальянское национально – освободительное движение, в то время как заметная часть русского общества проявляла к нему сочувствие¹³, а некоторые молодые люди вступали в отряды Дж. Гарибальди или оказывали ему другие формы поддержки¹⁴. В литературе также отмечают формирование общенационального общественного мнения по поводу критского восстания 1860 – х гг¹⁵.

⁸ Там же, ч. 31, л. 7, 18 об.

⁹ ГАРФ, ф.109, 4 эксп., оп. 197 (1857 г.), д. 199, ч. 5, л. 2 об.

¹⁰ Там же, ч. 8, л. 35

¹¹ Милютин Д.А. *Воспоминания 1860 – 1862*. М., 1999, с. 214.

¹² См.: Оболенская С.В. Франко - прусская война и общественное мнение Германии и России. М., 1977.

¹³ См.: *Объединение Италии в оценке русских современников в оценке русских современников. К 100 – летию объединения Италии*. М., 1961; Берти Дж. *Россия и итальянские государства в период Риссорджименто*. М., 1959.

¹⁴ Гросул В.Я. *Загадка Ивана Прянишникова // История и обществознание для школьников*. М., 2010, № 2, с. 19 – 26.

¹⁵ Виноградов В.Н. *Указ. соч.*, с. 157 – 158.

Русское общество также не осталось равнодушным и по отношению к войне Севера и Юга в США, но по этому вопросу между обществом и правительством не было серьезных разногласий. И те, и другие поддерживали северян¹⁶. В этой связи, как отмечал Д.А. Милютин, „Россия приобрела в заатлантической республике большое сочувствие, в противоположность тому раздражению, которое возбудил единый образ действий Англии и Франции”¹⁷.

Неослабное внимание русского общества вызвали события на Балканах в период 70 – х гг., когда был период самостоятельной поддержки движения балканских народов, а затем, особенно во время русско – турецкой войны 1877 – 1878 гг., большинство общества и правительства действовали воедино. Правда, П.А. Валуев не без иронии в августе 1876 г. подчеркивал: „Все бредят „южными славянами”, не разбирая и даже, не ведая, кто они”¹⁸.

Как и прежде, заметны региональные различия по части интерпретации международных событий, что в первую очередь касалось пограничных губерний. В марте 1862 г. из Ковенской губернии доносили о сохранявшихся среди местных поляков надеждах на новую европейскую войну в связи с итальянскими и австрийскими событиями. О надеждах поляков на заступничество Европы сообщалось и в донесении от 30 мая того же года¹⁹.

О возможной войне, но уже с Францией доносили 31 марта 1863 г. из Перми, где всеобщее внимание было приковано к восстанию в Польше²⁰. Польское восстание увязывали с международными событиями и в некоторых других губерниях. Как известно, после начала восстания Наполеон III выступил с проектом создания независимой Польши, что привело к охлаждению русско – французских отношений и сближению России с Пруссией. Уже 27 января 1863 г. была заключена пруско – российская конвенция о сотрудничестве в подавлении восстания²¹.

В свою очередь, Франция объединилась по этому вопросу с Англией и Австрией, и они все вместе послали России ноту от 5 апреля 1863 г. с предложением прекратить кровопролитие. 17 июня коллективный демарш этих трех стран в защиту поляков был повторен, но Россия оставалась непреклонной, представляя польский вопрос как свое внутреннее дело²².

¹⁶ См.: Иванов Р.Ф. *Гражданская война в США (1861 – 1865)*. М., 1960.

¹⁷ Милютин Д.А. *Указ. соч.*, с. 242.

¹⁸ *Дневник П.А. Валуева министра внутренних дел в двух томах. Т. II. 1865 – 1876 гг.* М., 1961, с. 381.

¹⁹ *ГАРФ, ф. 109, 1 экз., оп. 32 (1857 г.)*, д. 321, ч. 11, л. 101 – 102.

²⁰ *Там же*, 20, л. 27.

²¹ *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*. М., 1997, с. 68 – 69.

²² *Там же*, с. 69 – 70.

Если объединение Италии в целом почти полностью поддерживалось русским общественным мнением, то по отношению к объединению Германии ситуация не была столь однозначной. В литературе отражены явные профранцузские симпатии в русском обществе, хотя одновременно отмечены и те органы российской прессы, которые с пониманием относились к объединению Германии²³. По свидетельству К. Головина, „добрые люди в огромном большинстве праздновали прусские победы, как свои собственные. Это являлось зарей ложного национального чувства, самым точным выражением которого была знаменитая фраза „шапками закидаем”²⁴. Правда, несколько позднее он явно противоречит себе, когда пишет о российской публике, как державшей сторону Франции. При этом добавляет: „Нежностью к этой болтливой и хвастливой нации мы всегда страдали, воображая себя очень похожими на французов, хотя никакого сходства, строго говоря, нет”²⁵.

По воспоминаниям С.Д. Урусова, в его семье больше сочувствовали французам, чем немцам²⁶, и таких семей в России было немало. Будущий генерал Н.А. Епанчин вспоминал о германском шовинизме, обывавших немцев – гимназистов Петербурга, и о тех дискуссиях, которые шли в кругах тогдашней молодежи в связи с войной Пруссии и Франции²⁷. Не скрывал своих антигерманских настроений великий князь Константин Николаевич. П.А. Валуев в своем дневнике за 26 января 1876 г. сделал запись о заседании Комитета финансов у великого князя, который, среди прочего, сказал: „Нам Берлин все пакостит”²⁸. В западных губерниях среди польского населения профранцузские настроения проявились особенно отчетливо, поскольку с победой Франции связывалось возрождение польской государственности. Поражение Франции приписывалось бездарности и беспечности императора Наполеона III и даже его измене нации²⁹.

Уже в начале 80 – х гг. народовольческая печать неоднократно указывала на возможность нападения Германии на Россию³⁰. Можно заметить, что подобный сюжет фигурирует и в других источниках. Например, 30 июня П.А. Валуев записывал в дневник: „Множатся злове-

²³ Оболенская С.В. *Указ. соч.*, с. 212 – 223.

²⁴ Головин К. *Мои воспоминания. Т.1 (до 1881 г.)*. СПб. – М. [1910], с. 175 – 176.

²⁵ Там же, с. 204.

²⁶ Урусов С.Д. *Записки. Три года государственной службы*. М., 2009, с. 44.

²⁷ Епанчин Н.А. *На службе трех императоров*. М., 1996, с. 56.

²⁸ *Дневник П.А. Валуева*, с. 333.

²⁹ *ГАРФ, ф. 109, 3 эксп., оп. 156 (1871 г.)*, д. 90, л. 1 об. – 2 об.

³⁰ Хевролина В.М. *Революционно – демократическая мысль о внешней политике России и международных отношениях. Конец 60 – х – начало 80 – х годов XIX в.* М., 1986, с. 211.

щие признаки. Ген. Скобелев говорит о необходимости войны с Германией. Одно средство, по его мнению, поправить наше экономическое и политическое положение³¹. Кроме того, об этом писали многие (не одни лишь революционные) газеты, и вообще возможность такой войны активно обсуждалась, - в частности, в русской Польше³². Более того, в начале 80-х гг. имела место так называемая газетная война между Россией и Германией, не в последнюю очередь предназначенная для формирования общественного мнения каждой из этих стран в соответствующем духе. Департамент полиции также сигнализировал о работе из Германии неких обществ для формирования антирусских настроений - на национальных окраинах России, в частности, в литовских, то есть бывших польских землях³³.

Но 1-ое марта, то есть убийство российского императора, наложило свой отпечаток и на международные отношения. Влиятельный М.Н. Катков в „Московских ведомостях“ за март - апрель 1881 г. склоняется к сближению трех императоров - российского, германского и австро-венгерского, проповедуя при этом укрепление устоев консерватизма³⁴. И, действительно, 6 (18) июня 1881 г. подписан был договор о возобновлении „Союза трех императоров“³⁵, но он оказался недолговечным. А.А. Половцев сообщил в своем дневнике о секретнейшем заседании у императора весной 1882 г., где обсуждался план оборонительной кампании в случае войны с Пруссией и Австрией³⁶. Весна 1882 г.!

Во второй половине 80-х гг. начались поиски новых союзников, и общественное мнение, и его выразитель - российская периодическая печать все более стали склоняться к союзу с Францией. Как отмечается в литературе, первыми на нее указали „Биржевые ведомости“. Это стремление отметил в мае 1886 г. редактор - издатель „Гражданина“ В.П. Мещерский, а затем такие же идеи, хоть и в осторожной форме начал проповедывать и М.Н. Катков³⁷. Характерно и появление соответствующих сил, выступавших за сближение с Россией, и в самой Франции, в том числе и среди французских публицистов, к которым прежде всего можно отнести А. Леруа - Болье, автора трудов по истории России, из которых особенно выделяется его трехтомник „История царей и

³¹ Дневник П.А. Валуева 1877 - 1884, с. 170.

³² ГАРФ, ф. 102, 3 дел., оп. 77 (1881 г.), д. 1019, л. 5 - 6, 12 - 15, 45, 115 об., 210.

³³ ГАРФ, ф. 102, 3 дел., оп. 78 (1882 г.), д. 368, л. 1 - 2 об.

³⁴ Россия в революционной ситуации на рубеже 1870 - 1880-х годов. М., 1983, с. 477, 490.

³⁵ История внешней политики России, с. 227

³⁶ Дневник государственного секретаря А.А. Половцева в двух томах. Том I. 1883 - 1883 гг. М., 1966, с. 39.

³⁷ История внешней политики России, с. 261 - 262.

русские³⁸. Хотя, конечно, и раньше были во Франции отдельные авторы, стремившиеся к сближению с Россией³⁹.

Осенью 1886 г. специально для императора Александра III был составлен „Исторический обзор”, подготовленный по поручению министра иностранных дел Н.К. Гирса его ближайшим помощником В.Н. Ламсдорфом. В разгар кампании в прессе он был представлен Александру III, который, будучи убежден имевшейся там аргументацией, предложил опубликовать его с целью корректировки общественного мнения. Но Гирс убедил царя этого не делать, поскольку Союз трех императоров считался секретным, и Россия имела по нему четкие обязательства. Обзор был литографирован лишь для сведения послов в Берлине и Вене.⁴⁰ Но интересен сам факт желания императора оказать влияние на общественное мнение в таком важном вопросе, как внешнеполитическая ориентация. В целом российская пресса 80 – х гг. сыграла свою роль в переориентации внешней политики империи с центральных держав на Францию, что соответствовало тогдашнему общественному мнению.

Много внимания в печати уделялось англо – российским противоречиям, в частности, в Средней Азии, и вообще политике России в этом азиатском регионе. Российские авторы отмечали беспокойство Англии и английского общественного мнения в связи с продвижением российских войск в глубину Азии, видя в этом не столько угрозу Индии, сколько источник для развертывания национально – освободительного движения в Индии и Афганистане⁴¹. Поступали сведения и о настроениях в Китае, на его границах с Средней Азией. В январе 1883 г. были отмечены слухи на китайской территории „о крайне враждебном настроении против русских большинства местных китайских военачальников” в связи с несоблюдением российской стороной российско – китайских договоренностей⁴².

Российская революционная печать рассматривала среднеазиатскую политику как антинародную. По ее мнению, завоевания осуществлялись в интересах правящих кругов. В октябре 1881 г. в „Народной воле” делалось следующее заключение: „Таким образом Россия от всяких таких завоеваний скорее проигрывает, чем выигрывает”⁴³. В частных разговорах нередко говорилось о слабости России, о невозможности добиться новых внешнеполитических успехов. Так, А.В. Богдано-

³⁸ Цыкова К.А. *Россия второй половины XIX – начала XX в. в трудах Анатоля Леруа – Болье*. Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2005, с. 13.

³⁹ См.: Cadot M. *La Russie dans la vie intellectuelle française 1839 – 1856*. Paris, 1967.

⁴⁰ *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, с. 259, 262.

⁴¹ Хевролина В.М. *Указ. соч.*, с. 223.

⁴² *ГАРФ, ф. 102, оп. 255, д. 4 (1883 г.)*, л. 12 об.

⁴³ Цит. по *История внешней политики России*, с. 340, 377.

вич в своем дневнике за 18 января 1888 г. сообщила о беседе с генералом М.Г. Черняевым, обрисовавшим мрачными красками состояние российской армии того времени и положение России в целом. Генерал заявил, что „война неудачная может повести далеко, что может явиться династический вопрос, а что война будет несчастная – в этом он не сомневается”⁴⁴.

Постоянно обращалась русская печать и к ситуации в Австро – Венгрии, как и взаимоотношениям с ней России. Ситуация в этой империи неоднократно становилась предметом обсуждения в различных общественных кругах. 22 сентября 1882 г. генерал Бутурлин доносил из Варшавы о реакции на события в Пресбурге в связи с разразившимися там антиеврейскими беспорядками, превратившимися в погромы. По словам генерала, „здешние жители не столько поражены широким размером пресбургских беспорядков, перед которыми бледнеют аналогичные происшествия в Киеве, Балте, Кишиневе, Одессе и Варшаве, сколько настоящим характером их”. В этом характере он усматривал несомненные признаки подпольной социалистической и даже нигилистической деятельности⁴⁵.

В современной литературе уже обстоятельно изучено отражение проблем внешней политики и общественной мысли страны. Отмечены внешнеполитические концепции российского консерватизма, идеи в области внешней политики российского либерализма и либерального народничества, а также позиции по этим вопросам революционной демократии⁴⁶. В этой литературе не без основания подчеркивается, что вторая половина XIX в. характеризуется резким усилением внимания общественности к вопросам внешней политики и международных отношений⁴⁷. Вместе с тем, как подчеркивается в специальной литературе по истории внешней политики России, „правительство в то время не расценивало общественное мнение как серьезную силу, могущую оказать действительное влияние на внешнюю политику, хотя и вынуждено было учитывать в некоторых вопросах позицию влиятельных политических группировок”⁴⁸.

В 90 – гг, как и в 80 – весьма актуальным был вопрос „поиска союзников”⁴⁹. Он был достаточно острым и для российской дипломатии, и вообще для политики правительства, но он находил и довольно

⁴⁴ Богданович А. *Три последних самодержца*. М., 1990, с.79 – 80.

⁴⁵ ГАРФ, ф. 102, 3 дел., оп. 77 (1881 г.), д. 1019, л. 198 – 199.

⁴⁶ *История внешней политики России*, с. 302 – 343.

⁴⁷ Там же, с. 342.

⁴⁸ Там же, с. 343.

⁴⁹ Киняпина Н.С. *Внешняя политика России второй половины XIX в.* М., 1974, с. 195 – 196.

основательное отражение в печати и будоражил различные слои общества. В частности, особенно активно дебатировался тогда вопрос, кому отдать предпочтение – Германии или Франции?⁵⁰

Интересно, что в 1888 г. группа известных московских аристократов – князь Н.Ф. Мещерский, князь А.А. Щербатов и Д.Ф. Самарин – попытались оказать прямое воздействие на внешнеполитический курс правительства. При встрече с губернским предводителем дворянства графом С.Д. Шереметевым, с целью привлечь его на свою сторону, они выражали сожаление по поводу кончины М. Каткова и И. Аксакова и напомнили ему „о значении дворянства в роли выразителя общественного мнения”. При этом они предложили Шереметеву обратиться к Александру III с составленным ими адресом от лица московского дворянства. В этом адресе его авторы предлагали усилить антигерманский уклон российской внешней политики, вразрез с более сбалансированной, „миротворческой” политикой Александра III. Однако эта инициатива была пресечена Шереметевым, доложившим царю, что „московское дворянство тут не при чем”⁵¹.

В литературе отражена довольно своеобразная реакция на этот адрес со стороны самого императора. Он будто бы произнес следующие слова: „Эти скоты вмешиваются не в свое дело”⁵². Соответствуют ли эти слова реальному отклику императора на обращение довольно авторитетных лиц, сказать трудно, но негативное отношение Александра III к инициативам общественности хорошо известно, тем более, что на сей раз речь шла о проведении тщательно продуманной линии в области внешней политики, где ошибки могли иметь серьезные негативные последствия. При этом нельзя не отметить, что „скоты” все – таки предвосхитили реальную политическую стратегию, которой будет следовать Россия, взяв курс на сближение с Францией. Этот курс получил одобрение российской общественности и был с восторгом воспринят в самой Франции⁵³, где с большим воодушевлением восприняли визит Николая II с супругой⁵⁴.

Серьезный отпечаток на проблемы внешней политики накладывали внешнеторговые отношения, также ставшие источником дебатов

⁵⁰ Хевролина В.М. *Власть и общество. 1878 – 1894 гг. Борьба в России по вопросам внешней политики*. М. 1999, с. 106 – 120.

⁵¹ Розенталь И.С. „И вот общественное мнение!” *Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв.* М., 2007, с. 187.

⁵² Шаццлло К.Ф. *Русский либерализм накануне революции 1905 – 1907 гг. Организация. Программы. Тактика*. М., 1985, с. 135.

⁵³ Рыбачонок И. С. *Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в.* М., 1993, с. 5.

⁵⁴ Витте С.Ю. *Воспоминания. I том*. Москва – Минск. 2002, с. 156 – 157.

в различных общественных кругах. Все 90 – е гг. Германия прочно занимала первое место как по импорту в Россию, так и по российскому экспорту. Интересы коммерции требовали сохранения тесных отношений с этой страной, но свою роль играли и другие факторы. Россия должна была укреплять собственную индустрию, и это требовало проведения особой политики. В 1891 г. при министре финансов И.А. Вышнеградском вводится новый внешнеторговый тариф, отличавшийся чрезвычайно высокими таможенными требованиями. Он носил ярко выраженный протекционистский характер и был направлен на укрепление собственной промышленности. Этот тариф был по – разному встречен российскими общественными кругами. Резкое недовольство он вызвал со стороны помещиков и других крупных экспортеров сельскохозяйственной продукции. Органы печати, связанные с этими кругами повели атаку на этот тариф. Свое отражение в прессе получила и так называемая малая таможенная война с Германией, разразившаяся в 1896 г.⁵⁵

Приближение большой войны чувствовалось все больше. В.Н. Ламсдорф, который станет министром иностранных дел в 1900 г., в своем дневнике за январь 1892 г. пишет о слухах о войне, о тревожных чувствах, которые находили проявление не только в России, но и в Германии и Австро - Венгрии, да и вообще повсеместно. Он выступал за налаживание хороших отношений с Германией⁵⁶. Но верх брала другая линия, что находило заметное отражение в прессе. Не случайно, несколько лет, в феврале 1894 г., тот же Ламсдорф заносит в свой дневник следующие слова: „Наша пресса достойна ненависти”⁵⁷. Такая реакция была вызвана статьей в „Новом времени”, где содержалась угроза в адрес Германии. Статья, естественно, вызвала негативную реакцию германского правительства, как и антигерманские выпады, нашедшие в газете националистического направления „Свет”⁵⁸. О настроениях населения Петербургской губернии той поры свидетельствуют слухи, зародившиеся в г. Нарве и Ямбургском уезде о том, что холера была запущена в Россию германским императором Вильгельмом с воздушных шаров, и что полицейские власти не принимали необходимых мер поскольку были подкуплены этим императором⁵⁹.

⁵⁵ См.: Покровский С.А. *Внешняя торговля и внешняя торговая политика России*. М., 1947; о последующем временном потеплении русско – германских отношений см.: Игнатъев А.В. *Внешняя политика России в конце XIX – начале XX века (Россия перед вызовами новой эпохи)*. М., 2011, с. 62.

⁵⁶ Ламсдорф В.Н. *Дневник. 1891 – 1892*. М., 1934, с. 315 – 316, 327 – 328.

⁵⁷ Ламсдорф В.Н. *Дневник. 1894 – 1896*. М., 1991, с. 35.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ ГАРФ, ф. 102, 3 дел., оп. 91 (1893 г.), д. 152, ч. 39, л. 4 об.

При Александре III издания националистического консервативного характера существенно усилились. Заметны стремления укрепить свои позиции в славянском мире, но как раз в 80 – е - начале 90 – х гг. резко ослабляется влияние России на Балканах. По меткому выражению С.Д. Сказкина Россия „ушла с Балкан”. Эта ситуация получила заметное отражение в российской печати разных направлений. Тем не менее, именно за рубежом усиленно раскручивается тезис о российском панславизме, который объявляется официальной доктриной царизма. Ф. Энгельс, например, писал о ярко выраженном панславистском характере общественного мнения в России⁶⁰.

В обществе, конечно, были сильны прославянские настроения, но во внешней политике ни о каком панславизме, естественно, не могло быть и речи. Консервативная печать в целом все – таки поддерживала политику правительства, и курс на сближение с Францией одобрялся большинством органов консервативной печати. Среди правых, однако, было много сторонников прогерманского курса, то есть противников конфронтации с Германией⁶¹. Вместе с тем, в консервативных кругах критиковался состав российского МИДа, о чем писал, например, В.А. Друцкой – Соколинский, пропитанный, по его словам, европейским западничеством в ущерб национальным чувствам и идеалам. По его же мнению, „не зная России и русского народа, наши дипломаты служили стране и нации не из – за теплых национальных чувств, не из – за идеи национально – государственной, но лишь по побуждениям эгоистическим и личной материальной заинтересованности”⁶².

Либеральная общественность также не была однородной. Один из важнейших органов русского либерализма – „Вестник Европы” выступал против каких – либо территориальных захватов и поддерживал осторожную политику А.М. Горчакова, а затем и Н.К. Гирса, одобряя их желание избежать втягивания России в общеевропейскую войну. Он был противником воинственных требований ура – патриотов и шовинистов⁶³. Либералы понимали национальную политику иначе, чем консерваторы. По их мнению, национальная политика „соответствует желаниям народа или является верным выражением реальных потребностей нации”⁶⁴. Либералы все – таки старались выражать взгляды, отличные

⁶⁰ Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 17, с. 295.

⁶¹ *История внешней политики...*, с. 319; *История внешней политики России. Конец XIX - начало XX века*. М., 1997, с. 400.

⁶² Друцкой – Соколинский В.А. *Да благословенна память. Записки русского дворянина (1880 – 1914 гг.)*. Орел, 1996, с. 152.

⁶³ *История внешней политики России. Вторая половина XIX века*, с. 320.

⁶⁴ Там же, с. 321.

от официального курса и, в противовес консерваторам, вели борьбу против славянофильских и панславистских взглядов.

Что касается либеральных народников, которые занимали промежуточное положение между традиционным русским либерализмом и радикализмом, то они, в основном, были нацелены на занятие внутренними проблемами. Тем не менее, за опубликование в мартовском номере за 1899 г. статьи „Финляндские дела” в „Хронике внутренней жизни” журнал „Русское богатство” был приостановлен на три месяца. Культивируя взгляды об особом русском пути, о некапиталистическом развитии России, народники нередко противопоставляли Россию и Запад, отдавая при этом предпочтение России. Довольно прохладно относился к загранице один из лидеров легального народничества Н.К. Михайловский.

Молодые социал – демократы заявили себя как принципиальные противники внешней политики царизма, по их словам игнорировавшей интересы широких народных масс и проводившейся в угоду привилегированным классам⁶⁵. Резко критиковала официальные российские круги российская революционная эмиграция, среди видных публицистов которых в то время выделялись С. Кравчинский, П. Кропоткин, Г. Плеханов. В 1880 – 1890- х гг. они неоднократно трактовали русско – болгарские отношения, подавая их как образец коренных пороков внешней политики самодержавия. Проводом для высказывания недовольства служило и продвижение России в Средней Азии, вообще, поведение царизма на международной арене обычно характеризовалось как агрессивное⁶⁶.

В числе важных внешнеполитических вопросов, получивших резонанс в обществе, была политика России в Средней Азии, на Балканах и на Дальнем Востоке. В конце XIX в. довольно распространенной была дискуссия о „желтой” опасности. Первоначально в качестве главной угрозы подавался Китай, но затем, после победы Японии в японо – китайской войне 1894 – 1895 гг. все более стала осознаваться японская опасность, которая получила довольно подробное отражение на страницах либерального „Вестника Европы”, в рубрике „Иностранное обозрение” или в специальных статьях, посвященных Японии за 1894 – 1895 гг.⁶⁷ В 90 – х гг. и в правящих верхах, и на страницах газет имела место довольно острая полемика по поводу задач России на Дальнем Востоке⁶⁸.

Долговременному обсуждению подвергался и сам принцип, характер международных отношений. Так, Б.Н. Чичерин выдвинул

⁶⁵ Там же, с. 405.

⁶⁶ Там же, с. 339 – 341.

⁶⁷ Хевролина В.М. *Власть и общество*, с. 302 – 304, 308.

⁶⁸ Рыбаченок И.С. *Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX – XX вв.: цели, задачи и методы*. М., 2012, с. 33.

идею нравственной внешней политики, которая должна основываться как на свободе одного человека, так и отдельных народов. Для славянофилов нравственным было то, что совершалось в интересах своего народа. А М.М. Ковалевский напрямую связывал демократическую форму правления с внешней политикой, утверждая, что демократия в большей степени является гарантией мира, чем аристократия или цезаризм⁶⁹.

Вместе с тем, общество весьма прохладно оценило предложение царского правительства 12 (24) августа 1898 г. собрать конференцию для обсуждения вопроса о предотвращении войны и гонки вооружений. Такая конференция была проведена в мае – июне 1899 г. в Гааге, чем правительство очень гордилось⁷⁰. Дело было не в том, что общество было болотом, как говорил о нем нем А.П. Чехов, а имело место нежелание видеть у самодержавия что – либо позитивное. С.С. Ольденбург в этой связи писал: „Русское общественное мнение в течение всего времени от ноты 12 августа до окончания Гаагской конференции проявляло довольно слабый интерес к этому вопросу”⁷¹.

При этом интерес к проблемам международных отношений в то время был довольно значительным, и в обществе об этом шли постоянные разговоры и даже споры. Не была обойдена вниманием, например, англо – бурская война, причем до такой степени, что группа русских офицеров решила направиться в Южную Африку на помощь буррам⁷². Общество, вообще общественное мнение страны, действительно было на их стороне⁷³. И это в условиях, когда официальные власти старались занимать сдержанную позицию по этому вопросу.

Вообще, хотя шел процесс определенного англо – русского сближения на правительственном уровне, который приведет в будущем к созданию Антанты, антианглийские настроения были довольно сильны и в самом конце столетия, охватив даже определенные слои крестьянства. В апреле 1900 г. в Киевской губернии распространились толки среди крестьян о неизбежности в недалеком будущем войны России с Англией. Распространителями этих слухов были коробейники, по своему толковавшие содержание одной из литографий, где был изображен Николай II , призывавший к миру и согласию⁷⁴.

⁶⁹ Хевролина В.М. *Указ. соч.*, с. 203 – 205.

⁷⁰ Подробнее см. : Рыбаченок И.С. *Россия и первая конференция мира 1899 года в Гааге.* М., 2005.

⁷¹ Ольденбург С.С. *Царствование Николая II.* М., 1992, с. 101.

⁷² ГАРФ, ф. 102, 3 дел., оп. 98 (1900 г.), д. 1, ч. 1, лит. Б, л. 34 – 35.

⁷³ *Англо – бурская война 1899 – 1902 гг.: По архивным материалам и воспоминаниям очевидцев.* М., 2001; Рыбаченок И.С. *Закат великой державы*, с. 323 – 343.

⁷⁴ ГАРФ, ф. 102, 3 дел., оп. 98 (1900 г.), д. 1, ч. 30, лит. Б, л. 26 – 26 об.

В целом, по вопросам внешней политики имелись весьма серьезные разногласия между тремя основными общественно – политическими течениями - при всем том, что каждое из них не только по своему понимало потребности дальнейшего развития страны, но и желало представить себя в качестве подлинного радетеля за ее интересы. Однако, все они, в той или иной степени, передавали дыхание приближавшейся большой войны.

Vladimir Ya. GROSUL

THE NEARING OF GREAT WAR IN THE PUBLIC OPINION OF RUSSIA AT THE END OF 19TH CENTURY

Summary

In the period after the Paris Peace (1856), the Russian public has demonstrated its attitude toward the events that followed (the unification of Italy, Germany, The Civil War in the United States, the uprising in Poland in 1863). Analyzing these events the public amounted assumptions about Russia's participation in these events. For each of these events were administered the assessment and analysis. The reunification of Germany was not unanimously accepted in Russia. Already from the beginning of the 80s the press begins to mention the possibility of an attack of Germany on Russia. Getting close to France was positively accepted by the contemporary Russian press. Particular attention is drawn to the Russo-British antagonism in Central Asia. The situation in Austria-Hungary and the Balkans were also the subject of attention of Russian newspapers.

Special topics in the Russian public and the press of that period was the Russian foreign policy, as the public opinion was formed around not just one but more concepts (conservative, liberal and revolutionary). Regarding foreign policy the issue of public ally was raised, should it be Germany or France. The public opinion associated Germany with some commercial centers, and representing their interests, so they were more pro-German oriented. The public opinion have occasionally appeared texts that openly expressed antagonism toward Germany which caused the reaction of her government. By the end of the century, this hostility was growing. The general conclusion would be that the Russian public created an atmosphere of the imminent war.